

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Древнерусский текст

Не лепо ли ны бяшетъ, братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повестий о плъку Игореве,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тый песни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояню!
Боянъ бо вещий,
аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется мыслию по древу,
серымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшетъ бо рече,
първыхъ временъ усобице.
Тогда пущашетъ 10 соколовъ на стадо лебедей;
который дотечаше,
та преди песнь пояше -
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зареза Редедю предъ плъкы касожьскими,
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедей пущаше,
нъ своя вещиа пръсты
на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повесть сию
отъ стараго Владимирера до ныняшнего Игоря,
иже истягну умъ крепостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ,
наполънився ратнаго духа,
наведе своя храбрыя плъкы
на землю Половецкую
за землю Рускую.

Тогда Игорь възре
на светлое солнце
и виде отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружине своей:
"Братие и дружино!
Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои бръзья комони,
да позримъ
синего Дону!"
Спаль князю умъ
похоти,
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
"Хощу бо, - рече, - копие приломити
конецъ поля Половецкаго,
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,

а любо испити шеломомъ Дону".

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресъ поля на горы.
Пети было песнь Игореву,
того внуку:
"Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая -
галици стады бежать
къ Дону великому".
Чи ли въспети было,
вещей Бояне,
Велесовъ внуче:
"Комони ржуть за Сулою -
звенить слава въ Киеве;
трубы трубятъ въ Новеграде -
стоять стязи въ Путивле!"

Игорь ждеть мила брата Всеволода.
И рече ему буй туръ Всеволодъ:
"Одинъ братъ,
одинъ светъ светлый -
ты, Игорю!
оба есве Святъславличя!
Седлай, брате,
свои бръзьи комони,
а мои ти готови,
оседлани у Курьска напереди.
А мои ти куряни - сведоми къмети:
подъ трубами повити,
подъ шеломами възлелеяны,
конецъ копия въскрѣмлени;
пути имъ ведоми,
яругы имъ знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъстрени;
сами скачють, акы серьи влъци въ поле,
ищучи себе чти, а князю славе".

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремянь
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заступаше;
нощъ, стонуци ему грозою, птичь убуди;
свистъ зверинъ въста,
збися див,
кличеть врѣху древа,
велить послушати - земли незнаеме,
Волзе,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тьмутараканьскый блѣвань!
А половци неготовами дорогами
побегоша къ Дону великому:
крычатъ телегы полунощы,
рци лебеди розпущени.

Игорь къ Дону вои ведеть!

Уже бо беды его пасеть птицъ
по дубию;
вльци грозу въсрожать
по яругамъ;
орли клеткомъ на кости звери зовуть;
лисици брешуть на чръленыя щиты.
О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь меркнеть.
Заря свет запала,
мъгла поля покрыла.
Щекоть славий успе,
говоръ галичь убуди.
Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша,
ищучи себе чти, а князю - славы.

С зарания въ пятокъ
потопташа поганыя плъкы половецкыя,
и рассушясь стрелами по полю,
помчаша красныя девкы половецкыя,
а съ ними злато,
и паволокы,
и драгыя оксамиты.
Орьтьмами,
и япончицами,
и кожухы
начаша мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ местомъ,
и всякими узорочьи половецкыми.
Чърлень стягъ,
бела хирюговъ,
чрълена чолка,
сребрено стружие -
храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо.
Далече залетело!
Не было оно обиде порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, чръный воронъ,
поганый половчине!
Гзакъ бежит серымъ влъкомъ,
Кончакъ ему следъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
кровавыя зори светъ поведаятъ;
чръныя тучя с моря идуть,
хотятъ прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещуть синии мльнии.
Быти грому великому,
итти дождю стрелами съ Дону великаго!
Ту ся копиемъ приламати,
ту ся саблямъ потручяти
о шеломах половецкыя,
на реце на Каяле,
у Дону великаго!

О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами
на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ,
реки мутно текутъ;
пороси поля прикрываютъ;
стязи глаголютъ:
половци идутъ отъ Дона
и отъ моря,
и отъ всехъ странъ рускыя плъкы оступиша.
Дети бесови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яр туре Всеволоде!
Стоиши на борони,
прыщещи на вои стрелами,
гремлещи о шеломы мечи харалужными.
Камо, туръ, поскочяше,
своимъ златымъ шеломомъ посвечивая,
тамо лежать поганыя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя,
отъ тебе, яръ туре Всеволоде!
Кая раны дорога, братие, забывъ чти, и живота,
и града Чрънигова, отня злата стола,
и своя милыя хоти красныя Глебовны
свычая и обычая?

Были вечи Трояни,
минула лъта Ярославля;
были плъци Олговы,
Ольга Святъславличя.
Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрелы по земли сеяше.
Ступаетъ въ златъ стремянъ въ граде Тьмуторокане,
той же звонъ слыша давный великий Ярославль,
а сынъ Всеволожь, Владимиръ,
по вся утра уши закладываше въ Чернигове.
Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе
и на Канину зелену паполому постла
за обиду Олгову
храбра и млада князя.
Съ тоя же Каялы Святоплъкъ полеле яти отца своего
междю угорьскими иноходьцы
ко святей Софии къ Киеву.
Тогда, при Олзе Гориславличи,
сеяшется и растяшетъ усобицами,
погибашеть жизнь Дажьбожа внука,
въ княжихъ крамолахъ вещи человекомъ скратишась.
Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть,
нъ часто врани граяхуть,
трупиа себе деляче,
а галици свою речь говоряхуть,
хотять полетети на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плъкы,
а сицей рати не слышано!
Съ зараниа до вечера,
съ вечера до света
летять стрелы каленыя,
grimлють сабли о шеломы,
трещать копиа харалужныя
въ поле незнаеме,
среди земли Половецкыи.

Чръна земля подъ копыты костьми была посеяна,
а кровию поляна:
тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить -
далече рано предъ зорями?
Игорь плъкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пиръ докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.
Ничить трава жалощами,
а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла.
Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синемъ море у Дону;
плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ на поганя погыбе,
рекоста бо братъ брату:
"Се мое, а то мое же".
И начяша князи про малое
"се великое" мльвити,
а сами на себе крамолу ковати.
А погании съ всехъ странъ приходяху съ побъдами
на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птицъ бья, - къ морю!
А Игорева храбраго плъку не кресити!
За нимъ кликну Карна, и Жля
поскочи по Руской земли,
смагу людемъ мычючи въ пламяне розе.
Жены руския въсплакашась, аркучи:
"Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати".

А въстона бо, братие, Киевъ тугою,
а Черниговъ напастъми.
Тоска разлися по Руской земли;
печаль жирна тече средь земли Рускыи.
А князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами,
победами нарищуце на Рускую землю,
емляху дань по беле отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, -
Игорь и Всеволодъ -
уже лжу убудиста которую,
то бяше успиль отецъ ихъ -
Святъславъ грозный великий Киевский -
грозою:

бѣшеть притрепеталъ своими сильными плѣкы
и харалужными мечи,
наступи на землю Половецкую,
притопта хлѣми и яругы;
взмути рѣки и озера,
иссуши потоки и болота.
А поганого Кобяка изъ луку моря,
отъ железныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ,
яко вихрь, выторже:
и падесе Кобяка въ граде Киеве,
въ гриднице Святъславли.
Ту немци и венедици,
ту греци и моравы
поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ во дне Каялы - реки половецкыя, -
рускаго злата насыпаша.
Ту Игорь князь выседе изъ седла злата,
а въ седло кощиево.
Уныша об градомъ забрали,
а веселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ виде
въ Киеве на горахъ.
"Си ночь, съ вечера, одевахуть мя - рече -
чръною паполомою
на кровати тисове;
чръпахуть ми синее вино,
с трудомъ смешено;
сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ
великий женчюгъ на лоно
и негують мя.
Уже дѣски безъ кнеса
въ моемъ теремъ златовръсемъ.
Всю ночь съ вечера
босуви врани възгряху у Плеснеска,
на болони беша дѣбрь Кияня
и несошася къ синему морю".
И ркоша бояре князю:
"Уже, княже, туга умъ полонила;
се бо два сокола слетѣста
съ отня стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомъ Дону.
Уже соколома крильца припешали
поганыхъ саблями,
а самаю опутаща
въ путины железны".

Темно бо бе въ 3 день:
два солнца померкоста,
оба багряная стлѣпа погасоста
и съ ними молодая мѣсяца,
Олегъ и Святъславъ,
тѣмою ся поволокоста
и въ море погрузиста,
и великое буйство подаста хинови.
На реце на Каяле тѣма свѣтъ покрыла -
по Руской земли прострошася половци,
аки пардуже гнездо.
Уже снесесе хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже врѣжесе дивъ на землю.

Се бо готьскыя красныя девы
въспеша на брезе синему морю:
звоня рускыме златомъ;
поють время Бусово,
лелеють месть Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселия!
Тогда великий Святъславъ
изрони злато слово
с слезами смешено
и рече:
"О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую землю
мечи цвелити,
а себе славы искати.
Нъ нечестно одолесте,
не честно бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца
въ жестоцемъ харалузе скована
а въ буести закалена.
Се ли створисте моей сребреней седине?
А уже не вижду власти
сильнаго,
и богатаго,
и многовая
брата моего Ярослава
съ черниговскими былями,
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчаки,
и съ ревугы,
и съ ольберы.
Тии бо бес щитовъ съ засапожники
кликомъ плъкы побеждають,
звонячи въ прадедную славу.
Нъ рекосте: "Мужаимеся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами поделимъ!"
А чи диво ся, братие, стару помолодити!
Коли соколъ в мытэхъ бываетъ,
высоко птицъ възбиваетъ;
не дастъ гнезда своего въ обиду.
Нъ се зло - княже ми непособие:
наниче ся години обратиша.
Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
а Володимиръ подъ ранами.
Туга и тоска сыну Глебову!"

Великий княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетети издалеча,
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеша Волгу веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти!
Аже бы ты былъ,
то была бы чага по ногате,
а кощей по резане.
Ты бо можеша посуху
живыми шерешеры стреляти -
удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
Не ваю ли вои
злаченными шеломы по крови плаваша?

Не ваю ли храбрая дружина
рыкають, акы тури,
ранены саблями калеными
на поле незнаеме?
Вступита, господина, въ злат стремя
за обиду сего времени,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буге Святъславлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе!
Высоко седиши
на своемъ златокованнемъ столе,
подперъ горы Угорскыи
своими железными плъки,
заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облакы,
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стреляеши съ отня злата стола
салътани за землями.
Стреляй, господине, Кончака,
поганого кощея,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буге Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носитьъ вашъ умъ на дело.
Высоко плаваеши на дело въ буести,
яко соколъ, на ветрехъ ширяся,
хотя птицю въ буйстве одолети.
Суть бо у ваю железныи папорбци
подъ шеломы латиньскыми.
Теми тресну земля,
и многы страны -
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела,
и половци сулицы своя повръгоша,
а главы своя подклониша
подъ тьи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю,
утръпе солнцю светъ,
а древо не бологомъ листвие срони:
по Роси и по Сули гради поделиша.
А Игорева храбраго плъку не кресити!
Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветъ князи на победу.
Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань...

Инъгваръ и Всеволодъ,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнезда шестокрилци!
Не победными жребии
собе власти расхытисте!
Кое ваши златыи шеломы
и сулицы ляцкыи
и щиты?

Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
бугега Святыславича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями
къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течеть
онимъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовскыя,
притрепа славу деду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты
на кроваве траве
притрепанъ литовскими мечи
и с хотию на кров,
а тьи рекъ:
"Дружину твою, княже,
птиць крилы приоде,
а звери кровь полизаша".
Не бысть ту брата Брячяслава,
ни другаго - Всеволода.
Единъ же изрони жемчюжну душу
изъ храбра тела
чресъ злато ожерелие.
Уныли голоси,
понице веселие,
трубы трубятъ городеньскыи.

Ярославлѣ вси внуце и Всеславлѣ!
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи верезени.
Уже бо выскочисте изъ дедней славе.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганыя
на землю Рускую,
на жизнь Всеславлѣ.
Которою бо беше насилие
отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ веце Трояни
врѣже Всеславъ жребий
о девицю себе любу.
Тѣй клюками подпрѣ ся о кони
и скочи къ граду Киеву
и дотчеса стружиемъ
злата стола киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ
въ плѣночи изъ Белаграда,
обесися сине мъгле; утрѣже вазни,
с три кусы отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи влъкомъ
до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизе снопы стелють головами,
молотятъ чеппи харалужными,
на тоце животъ кладуть,
веють душу отъ тела.
Немизе кровави брезе

не бологомъ бяхуть посеяни -
посеяни костью рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:
изъ Києва дорискаше до куръ Тматороканя,
великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотъске позвониша заутреню рано
у святыя Софеи въ колоколы,
а онъ въ Києве звон слыша.
Аще и вещь душа въ дерзе теле,
нъ часто беды страдаше.
Тому вещей Боянъ
и прѣвое припевку, смысленый, рече:
"Ни хытру,
ни горазду,
ни пытьцю горазду
суда божиа не минути".

О, стонати Руской земли,
помянувшѣ прѣвую годину
и прѣвыхъ князей!
Того старого Владимира
нелзе бе пригвоздити къ горамъ киевскимъ:
сего бо ныне сташа стязи Рюриковы,
а друзии Давидовы,
нъ розно ся имъ хоботы пашутъ,
копиа поють!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычетъ:
"Полечю - рече - зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцемъ его теле".

Ярославна рано плачеть
въ Путивле на забрале, аркучи:
"О ветре, ветрило!
Чему, господине, насильно вееши?
Чему мычеши хиновскыя стрелки
на своею нетрудною крилцю
на моя лады вои?
Мало ли ти бяшетъ горе подъ облакы веяти,
лелеючи корабли на сине море?
Чему, господине, мое веселие
по ковылию развея?"

Ярославна рано плачеть
Путивлю городу на заборолѣ, аркучи:
"О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозе землю Половецкую.
Ты лелеял еси на себе Святославли носады
до плъку Кобякова.
Възлелей, господине, мою ладу къ мне,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано".

Ярославна рано плачеть
въ Путивле на забрале, аркучи:

"Светлое и тресветлое сълнце!
Всемъ тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячую свою лучю
на ладе вои?
Въ поле безводне жажду имъ лучи съпряже,
тугою имъ тули затче?"

Прысну море полунощи,
идуть сморци мъглами.
Игореви князю богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зари.
Игорь спить,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля мерить
отъ великаго Дону до малаго Донца.
Комонъ въ полуночи Овлуръ свисну за рекою:
велить князю разумети:
князю Игорю не быть!
Кликну,
стукну земля,
въшуме трава,
вежи ся половецкии подвизашася.
А Игорь князь поскочи
горнастаетъ къ тростию
и белымъ гоголемъ на воду.
Въврѣжеся на брѣзъ комонъ
и скочи съ него бусымъ влъкомъ.
И потече къ лугу Донца,
и полете соколомъ подъ мъглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку,
и обеду,
и ужине.
Коли Игорь соколомъ полете,
тогда Влуръ влъкомъ потече,
труся собою студеную росу:
претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече:
"Княже Игорю!
Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа".
Игорь рече: "О Донче!
не мало ти величия,
лелеявшу князя на влънахъ,
стлавшу ему зелену траву
на своихъ сребреныхъ брезехъ,
одевавшу его теплыми мъглами
подъ сению зелену древу;
стрешаше его гоголемъ на воде,
чайцами на струяхъ,
чрънядьми на ветрехъ".
Не тако ти, рече, река Стugna:
худу струю имея,
пожръши чужи ручьи и стругы,
рострена к устью,
уношу князю Ростиславу затвори.

Днепръ темне березе
плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславе.
Уныша цветы жалобою,
и древо с тугою къ земли преклонилося.

А не сорокы втроскоташа -
на следу Игореве ездить Гзакъ съ Кончакомъ.
Тогда врани не граахуть,
галици помолькоша,
сорокы не троскоташа,
полозие ползоша только.
Дятлове тектомъ путь къ реце кажутъ,
соловии веселыми песньми
светъ поведаятъ.

Молвить Гзакъ Кончакови:
"Аже соколъ къ гнезду летить,
соколича ростреляеве
своими злаченными стрелами".
Рече Кончакъ ко Гзе:
"Аже соколъ къ гнезду летить,
а ве соколца опутаеве
красною девицею".

И рече Гзакъ къ Кончакови:
"Аще его опутаеве красною девицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны девице,
то почнуть наю птици бити
в поле Половецкомъ".

Рекъ Боянъ и Ходына,
Святъславля песнотворца
старого времени Ярославля,
Ольгова коганя хоти:
"Тяжко ти головы кроме плечю,
зло ти телу кроме головы" -
Руской земли безъ Игоря.

Солнце светится на небесе, -
Игорь князь въ Руской земли;
девицы поють на Дунаи, -
вьются голоси чрезъ море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
къ святей богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

Певше песнь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пети:

"Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!"

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганя пльки!

Княземъ слава а дружине!
Аминь.

